

© 2018 г.

В.Н. ЛОПАТИН

РИСКИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Лопатин Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, научный руководитель РНИИИС, генеральный директор Корпорации интеллектуальной собственности РНИИИС, председатель межгосударственного (МТК 550) и национального технического комитета по стандартизации «Интеллектуальная собственность» (ТК-481), заведующий базовой кафедрой РНИИИС «Управление интеллектуальной собственностью» РЭУ им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия) (E-mail: info@rniis.ru).

Lopatın Vladimir N. — Doctor of Law, Professor, the scientific head of the National Research Institute of Intellectual Property (NSRIIP), CEO of the Corporation's intellectual Property NSRIIP, Chairman of the interstate (MTK 550) and National Technical Committee for Standardization «Intellectual Property» (TC-481), head of the chair for «Intellectual Property Management» REU of G.V. Plekhanov (Moscow, Russia) (E-mail: info@rniis.ru).

Аннотация: в статье на основе сравнительно-правового и экономического анализа с позиций обеспечения информационной безопасности выделяются и исследуются проблемы, возникающие при определении и реализации целей и задач построения цифровой экономики как на национальном, так и на межгосударственном уровнях в странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). По результатам анализа документов и практики их исполнения в странах СНГ и ЕАЭС автор выделяет четыре группы рисков интеллектуальной собственности и предлагает меры в области информационной безопасности, требующие принятия со стороны как Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) ЕАЭС, Исполкома СНГ, так и национальных уполномоченных органов (построение трансграничного пространства доверия, объединение национальных информационных ресурсов стран ЕАЭС в рамках интегрированной информационной системы, использование на безвозмездной основе отечественных программных продуктов и иностранного программного обеспечения для разработки отечественных программ для ЭВМ).

Abstract: Purpose: the purpose of this article is to highlight and study the problems that arise when defining and implementing the goals and objectives of building the digital Economy, both at national and international levels in the CIS and the Eurasian economic Union from the standpoint of information security.

Methods: the author conducts a study on the basis of the comparative legal and economic analysis, statistical Surveys, methods analogy, scientific forecasting and modeling.

Results: the results of the analysis of documents and practice of their implementation in the CIS countries and the Eurasian economic Union, the Author identifies four Groups of intellectual Property Risks and proposes measures in the field of information Security requiring from either of the EEC, EAEC, CIS Executive Committee and the national competent authorities (building transborder Space of confidence, the unification of national information Resources of the EAEU an integrated information System use free of charge domestic software and foreign software for the development of domestic computer Programs).

Ключевые слова: цифровая экономика, экономика знаний, экономика интеллектуальной собственности, цифровые технологии, информационные технологии, программы для ЭВМ, информационная безопасность, интегрированные информационные системы, риски интеллектуальной собственности, Российская Федерация, СНГ, ЕАЭС.

Key words: the digital Economy, knowledge Economy, Economics of intellectual property, digital Technology, information Technology, computer Programs, information security, integrated information system, risks of intellectual property, the Russian Federation, the CIS, the Eurasian economic Union.

Под **цифровой экономикой** согласно определению Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)¹ понимаются “рынки на основе цифровых технологий, которые облегчают торговлю товарами и услугами с помощью электронной коммерции в Интернет”, или “система экономических, социальных и культурных отношений, основанных

на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий”² (Всемирный банк). Главными элементами цифровой экономики считают электронную торговлю, электронный банкинг и электронные платежи.

В соответствии со Стратегией сотрудничества государств — участников СНГ в построении

¹ См.: Measuring digital economy // URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/341889/725159/OECD+Manual+Measuring+the+Digital+Economy/6418c566-4074-4461-9186-9ad509bc4a4d>

² Доклад Всемирного банка “Цифровые дивиденды” за 2016 год // URL: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2016/11/09/russian-economy-inches-forward-says-world-bank>

и развитии информационного общества на период до 2025 г. и Планом действий по ее реализации *развитие “цифровой экономики”* заявлено одним из приоритетов и ожидаемых результатов, в том числе: электронной науки, электронного обучения, электронной культуры, электронной занятости, электронного здравоохранения, электронной торговли, электронного сельского хозяйства, электронной охраны окружающей среды, электронного региона, электронного нотариата, электронной биржи, электронной логистики³.

Представляется, что, с одной стороны, введение в оборот множества терминов с прилагательными “электронный” или “цифровой” само по себе не гарантирует нового качества экономических и правовых отношений. В то же время растущее множество таких терминов и определений требует их упорядочения и классификации как на концептуальном и методологическом уровне (по объектам и предметным областям общественных отношений, в том числе в “пограничных” сферах, по видам цифровых технологий и правовому статусу их субъектов, принципам использования и т.п.), так и на уровне законодательном.

С другой стороны, признается, что построение цифровой экономики будет происходить на технологическом базисе информационных технологий, который был создан ранее, т.е. в рамках четвертой и пятой технологических революций, которые, как известно, мы проиграли. Отсюда первая проблема, требующая стратегического осмысления и практического решения прежде всего на уровне государственных политик России и других стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и СНГ.

Проблема № 1. *Как осуществить переход к цифровой экономике в ЕАЭС и СНГ на национальном и евразийском уровнях при обеспечении ее конкурентоспособности и лидерства на этих рынках в условиях, когда технологическая основа для этого перехода создана преимущественно за рубежом, а сам рынок давно поделен между тремя группами стран, где Россия, как и другие страны СНГ, в основном — покупатели?*

Курс на обеспечение информационной безопасности и приоритетность в цифровизации экономических отношений в условиях глобализации и продолжающихся со времен “рейганомии” санкций и запретов на экспорт компьютерных технологий и реализации политики импортозамещения, в том числе в этой сфере, заставляет по-новому взглянуть на системы национальной, региональной и международной безопасности.

³ См.: Решение Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 28 октября 2016 г.

Согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы⁴, формирование цифровой экономики отнесено к национальным интересам России, включая:

формирование новых рынков, основанных на использовании информационных и коммуникационных технологий, и обеспечение лидерства на этих рынках за счет эффективного развития российской экосистемы цифровой экономики (крупных российских организаций в сфере информационных и коммуникационных технологий);

повышение конкурентоспособности российских высокотехнологичных организаций на международном рынке;

обеспечение технологической независимости и безопасности инфраструктуры, используемой для продажи товаров и оказания услуг российским гражданам и организациям;

защиту граждан от контрафактной и некачественной продукции;

совершенствование антимонопольного законодательства, в том числе при предоставлении программного обеспечения, товаров и услуг с использованием сети Интернет лицам, находящимся на территории Российской Федерации;

развитие торговых и экономических связей со стратегическими партнерами Российской Федерации, в том числе в рамках ЕАЭС.

При этом Президент РФ поручил Правительству РФ до 1 июня 2017 г. разработать совместно с Администрацией Президента РФ и утвердить программу «Цифровая экономика», предусмотрев в ней меры по созданию правовых, технических, организационных и финансовых условий для развития цифровой экономики в Российской Федерации и ее интеграции в пространство цифровой экономики государств — членов ЕАЭС⁵.

На рубеже 2015–2016 гг. в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС — далее Союз) был принят в качестве главного вариант развития нашей интеграции, исходя из сценария «собственный центр силы»⁶, который предполагает использование инновационных потенциалов, имеющихся в каждой из стран ЕАЭС и дающих так называемый

⁴ См.: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 “О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы”.

⁵ См.: Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию (утв. Президентом РФ 05.12.2016 г. № Пр-2346) // СПС “КонсультантПлюс”.

⁶ Об Основных направлениях экономического развития ЕАЭС. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 28.

кумулятивный эффект, для того чтобы можно было быть конкурентоспособным на внутренних и внешних рынках. Особую роль будут играть: создание условий для формирования отраслей будущего; консолидация ресурсов на развитие человеческого капитала; модернизация производств; обеспечение доступности финансовых ресурсов, необходимых для проведения технологических исследований, их коммерциализация. Потенциальный эффект влияния интеграции на уровень экономического развития Союза на 1 января 2016 г. оценивался в 210 млрд долл. в текущих ценах; к 2030 г. — до 13% дополнительного прироста ВВП.

В то же время, по оценке Высшего Евразийского экономического совета⁷, во всех государствах — членах ЕАЭС наблюдаются признаки макроэкономической неустойчивости, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на экономическое развитие каждого государства-члена и Союза в целом. В этой связи в 2016–2017 гг. всем государствам — членам ЕАЭС было предписано расширить набор применяемых инструментов и активизировать усилия по достижению и поддержанию макроэкономической устойчивости, реализовывать совместные меры в рамках Союза и национальные меры по ключевым направлениям.

Реализация указанных мер предполагала и предполагает активное включение экономического потенциала от использования во всех этих процессах интеллектуальной собственности — от ценообразования при взимании таможенных платежей до формирования нематериальных активов и использования интеллектуальной собственности как инвестиционного ресурса при диверсификации экономик на всех уровнях. В то же время при формальной реализации большей части указанных мер ожидаемый эффект не был достигнут, а экономический потенциал от использования интеллектуальной собственности не реализован.

При этом по международному и национальному праву сама технология (как совокупность результатов интеллектуальной деятельности) объектом оборота не является. Под модным термином «трансфер технологий» по сути, подразумевается передача/предоставление права на использование результатов интеллектуальной деятельности, которые содержатся в этих технологиях. Это и есть по большому счету одно из ключевых, магистральных направлений развития рынка интеллектуальной собственности, доля

которого в мировой торговле выросла в этом столетии в четыре раза и превышает 15%⁸.

В этой части хотелось бы обратить внимание на то, что Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) были исследованы достигнутые результаты функционирования более чем 30 интеграционных объединений и подробно проанализированы их отраслевые модели сотрудничества⁹. В итоге были выявлены наиболее потенциально интегрированные, способствующие интеграции Евразийского экономического союза сферы экономики по семи методикам (ориентирование на импортозамещение и экспорт, соответствующая специализация внутри стран по отраслям будущего, по мультипликативному эффекту, который дает отдельные межотраслевые интеграционные связи, встраивание в международные системы производственных цепочек, госрегулирование и госкомпании, где требуется особый подход). Исходя из этих семи направлений выявления соответствующих сфер экономик, обладающих наибольшим интеграционным потенциалом, особое значение имеют «отрасли будущего». По оценке евразийского руководства¹⁰, такие рынки «отраслей будущего» в настоящее время не сформированы, что повышает возможности государств — членов ЕАЭС занять собственную нишу. Интеграция в «отраслях будущего» позволит получить значимый экономический эффект за счет координации национальных инновационных политик государств-членов и углубления сотрудничества ЕАЭС со странами — лидерами научно-технологического развития в части научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Основная идея методики заключается в определении перечня совместных приоритетов научно-технологического развития государств — членов ЕАЭС, стран — мировых лидеров по внутренним расходам на НИОКР (США,

⁷ См.: Основные ориентиры макроэкономической политики государств — членов Евразийского экономического союза на 2016–2017 годы. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 31 мая 2016 г. № 5.

⁸ См.: Итоговый документ — рекомендации IX Международного форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности» в рамках Международных дней интеллектуальной собственности под эгидой ООН (Москва, РЭУ им. Г.В. Плеханова, 7 апреля 2017 г.) // URL: http://rmiis.ru/download/mf/2017/itog_doc.pdf

⁹ См.: Доклад ЕЭК «Анализ стратегий интеграционного сотрудничества (моделей реализации интеграционного потенциала) наиболее известных интеграционных объединений мира» // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/investigations/Pages/default.aspx

¹⁰ См.: Распоряжение ЕЭК от 6 декабря 2016 г. № 201 «О проекте решения Совета Евразийской экономической комиссии «О проекте распоряжения Евразийского межправительственного совета «О сферах экономики, обладающих интеграционным потенциалом в Евразийском экономическом союзе, и мерах, направленных на его использование»».

Китай, Япония, ФРГ, Республика Корея, Франция, Великобритания), ведущих мировых компаний с инвестициями в НИОКР (Google, Intel, Microsoft, Siemens, Samsung Electronics и др.).

Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г.¹¹, содержащий наиболее детализированный перечень «отраслей будущего» среди государств — членов ЕАЭС: семь укрупненных перспективных продуктовых групп и 444 детализированные группы инновационных продуктов и услуг, при этом выделяются четыре уровня вложенности.

Наибольшую долю в этой группе занимают отрасли информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), что создает основу для развития «цифровой экономики» в XXI в. в наших странах. Группы инновационных продуктов и услуг в отрасли ИКТ (более 100) включают:

метаматериалы и программное обеспечение для обработки и передачи изображений со сверхразрешением;

Grid-алгоритмы и программное обеспечение для распределенного решения отдельных классов сложных вычислительных задач;

программное обеспечение формализации и извлечения знаний о сложных информационных объектах;

алгоритмы и программное обеспечение для верификации больших программ;

алгоритмы и программное обеспечение машинного обучения (machine learning), в том числе с опорой на суперкомпьютерные модели распределенных вычислений;

аналитическое программное обеспечение нового поколения (next-generation analytics);

алгоритмы и программное обеспечение для построения сложных трехмерных сцен по изображениям и видеоряду в режиме реального времени (компьютерное зрение);

алгоритмы и программное обеспечение компьютерного моделирования физических, химических и биологических процессов, обеспечивающие достоверное прогнозирование результатов междисциплинарных экспериментальных исследований.

Таким образом, можно выделить следующую проблему, требующую осмысления и существенных корректировок в стратегическом планировании при выработке целеполаганий и программировании

в этой области национального и межгосударственного развития в странах ЕАЭС.

Проблема № 2. Если отрасль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на 30% определяет интеграционный потенциал «отраслей будущего» и создает основу для развития «цифровой экономики» в XXI в. в ЕАЭС, то как обеспечить информационную безопасность при формировании и сбалансированном развитии такого рынка и возможности государств — членов ЕАЭС занять на нем собственную нишу (разделение труда) в условиях, когда такой рынок отсутствует?

При этом очевидно, что цифровизация экономики не является самоцелью и не должна быть оторвана от целей и задач инновационного развития, заявленных ранее в принятых государственных стратегиях и программах инновационного развития на период до 2020–2030 гг. (только в России их более 200), равно как и подменять их.

Известно, что такие попытки уже предпринимались неоднократно и ранее, когда предлагалась извне некая идея, на осмысление которой тратились миллиарды бюджетных средств, разрабатывались многочисленные стратегии и программы, тысячи нормативных документов, и по их количеству оценивалась эффективность не только законодательной, но и исполнительной власти.

Примером такого подхода может служить теория «экономики знаний», научно-историческое обоснование которой в России при более углубленном рассмотрении не выдерживает серьезной критики. Основателем этой теории считается Ф. Махлуп, австро-американец, который начинал эти исследования вместе с двумя другими выпускниками Венского университета (Й. Шумпетер и Ф. Хайек), а впоследствии он, профессор Принстонского университета, написал книгу «Производство и распространение знаний в США»¹², вышедшую в 1962 г. и переведенную на русский язык в 1966 г.¹³

Новый сектор — «экономика знаний». По Ф. Махлупу (в 1962 г.), это сегодня — информатизация и информационные технологии как сектор экономики и способ развития, но никак не вся экономика. Экономика знаний или основанная на знаниях — это по сути информационная экономика (информационная экономика — по М. Кастельсу)¹⁴, где реализуется новая технологическая парадигма на основе прежде всего информационных технологий. Инновационная экономика,

¹¹ См.: Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минобрнауки России и утвержден Председателем Правительства РФ Д.А. Медведевым, январь 2014 г.) // URL: <http://government.ru>

¹² *Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton, 1962.

¹³ См.: *Махлуп Ф.* Производство и распространение знаний в США. М., 1966.

¹⁴ См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / пер. с англ. М., 2000. С. 39, 82.

безусловно, содержит в себе такой сектор, как информатизация, и использует информационные технологии в интересах своего развития. Но также очевидно, что инновационные технологии не могут и не должны быть сведены только к информационным технологиям, даже с учетом всеобъемлющего характера и свойств информации¹⁵.

В целях обеспечения полного перехода в системе оценок и индикативных показателей, в том числе на стратегическом, программном, региональном и корпоративном уровнях, от информационных показателей (публикации и патенты, через которые мы бесплатно извещаем весь мир о своих достижениях) к показателям экономики интеллектуальной собственности представляется крайне необходимой поддержка усилий научного сообщества по выделению научной проблематики формирования экономики интеллектуальной собственности для целей инновационного развития в качестве приоритетов при проведении фундаментальных и прикладных научных исследований.

Это становится особенно актуальным в условиях продолжающейся политики спекуляций и злоупотреблений при выделении бюджетных средств на исследования проблем так называемой «экономики знаний», которая за последнее десятилетие стала весьма модной темой, позволяющей осваивать бюджетные средства без достижения видимых результатов для самой экономики¹⁶. Так, при обзоре ряда европейских программ исследований и инноваций и отчетов по их проектам, в том числе при анализе Рамочной программы ЕС «Горизонт 2020» с бюджетом на семь лет на сумму около 80 млрд евро, авторы данного отчета из НИУ ВШЭ «не заметили» проблематики экономики интеллектуальной собственности, прямо заявленной в проектах программы как для ЕС в целом, так и для прикладных программ исследований (например, развития малого и среднего бизнеса с бюджетом 3 млрд евро)¹⁷. В то же время авторами со ссылкой

на программу ЕС в указанном отчете неоднократно упоминается термин «экономика знаний», который в данной европейской программе отсутствует. Можно предположить что эта «неточность» связана с определенной ангажированностью авторского коллектива с местом работы – Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. В результате указанного «программирования» ряд актуальных проблем формирования инновационной экономики через рынок интеллектуальной собственности не попал в анкеты для опросов, фокус-групп и экспертиз, а ряд заявленных в отчете результатов по этим вопросам некорректен. При этом следует иметь в виду, что знания, заявленные авторами отчета в качестве объекта экономики и объекта управления, согласно российскому законодательству таковыми не являются (согласно определению ЮНЕСКО знания – это информация, но с 1 января 2008 г. информация исключена из перечня объектов гражданских прав и объектом оборота в Российской Федерации быть не может (ст. 128 и 129 ГК РФ). С учетом указанной «заданности» при определении тематики ряда вызовов и направлений исследований перечень самих вузов, где проводятся исследования по заявленной научной проблематике, авторами отчета был также ограничен потенциалом преимущественно самого НИУ ВШЭ. Нетрудно представить, что в случае согласования этого документа со стороны Минобрнауки России он может стать программной основой для организации дальнейших исследований по темам и правилам, написанным авторами из этого вуза без учета пакета реальных проблем и научного потенциала их решения в России и странах ЕАЭС.

В рамках формирования *цифровой экономики в ЕАЭС* в 2016 г.:

приняты 45 решений коллегии ЕЭК, в том числе Стратегия развития трансграничного пространства доверия о формировании цифровой повестки ЕАЭС, созданы рабочая группа по выработке предложений по формированию цифрового пространства и Консультативный комитет по информатизации, информационно-коммуникационным технологиям и защите информации ЕЭК, утверждены план работ по созданию и развитию интегрированной информационной системы (ИИС) ЕАЭС, Порядок передачи программного обеспечения интеграционного сегмента ЕЭК ИИС ЕАЭС и его использования, а также Регламент информационного взаимодействия уполномоченных органов государств – членов ЕАЭС и ЕЭК в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности;

¹⁵ См.: Лопатин В.Н. «Экономика знаний» в информационном обществе: показатели и последствия для России // Информационное право. 2010. № 4. С. 3–12.

¹⁶ См.: Отчет НИУ ВШЭ о НИР «Формирование программы (тематических блоков) исследований в области социально-гуманитарных наук и экономики, направленных на повышение эффективности управления научно-технологической сферой, формирование и применение методологии получения оценок социальных эффектов инновационной деятельности» // ИКРБС: 215061140041 от 11 июня 2015 г. Шифр: 2014-02-573-0008-014 – Части I–IV. Отчет 1883 с., 4 части, 48 рис., 51 табл., 106 источников, 35 приложений, 83 автора.

¹⁷ См.: European Intellectual Property Rights (IPR) Helpdesk; The SME Instrument // URL: <http://ec.europa.eu/research/index.cfm>

правительствам государств – членов ЕАЭС совместно с ЕЭК в срок до 1 декабря 2017 г. было предложено разработать и представить для рассмотрения Евразийским межправительственным советом основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г.;

Департамент информационных технологий ЕЭК провел две НИР: “Разработка предложений по эффективному использованию цифровых ресурсов ЕАЭС” и “Разработка предложений по общим подходам формирования цифрового пространства ЕАЭС”; Департамент антимонопольного регулирования ЕЭК – НИР “Разработка методических рекомендаций по анализу трансграничных рынков в сфере цифровой экономики и электронной коммерции”;

согласно Плану мероприятий по созданию, обеспечению функционирования и развитию ИИС ЕАЭС на 2017–2018 гг.¹⁸ с объемом финансирования около 2 млрд руб. *интеллектуальная собственность включена в Перечень направлений, приоритетных для реализации общих процессов в рамках ЕАЭС.*

В то же время из 44 предусмотренных мер по развитию интеграции в указанных сферах экономики только три напрямую относятся к интеллектуальной собственности (упрощение регистрации прав на объекты интеллектуальной собственности (ОИС), гармонизация законодательства государств-членов в сфере интеллектуальной собственности и координация мер по защите интеллектуальной собственности на рынках третьих стран), а их применение ограничено только для «отраслей будущего» и экспорта. Очевидно, что это неоправданно «заужает» возможности для использования потенциала экономики интеллектуальной собственности и повышает риски обеспечения информационной безопасности.

За 25 лет в пяти странах СНГ, которые сегодня образуют Евразийский союз, было выдано 1.2 млн патентов, из которых на 1 января 2017 г. действовала только одна треть (350 тыс.), хотя при сроке действия патента до 20 лет можно было бы предполагать, что их должно быть не менее 70%. Политика «патент ради патента» в условиях, когда доля коммерциализации интеллектуальной собственности, охраняемой патентами, по-прежнему ничтожно мала и составляет в странах ЕАЭС и СНГ от 0.4% до 2%, а каждый второй патент при сроке действия до 20 лет прекращается через несколько лет после его выдачи, ведет к научно-техническому проигрышу, экономическим потерям и сохранению импортозависимости.

В национальных стратегиях и программах инновационного развития и интеллектуальной собственности стран ЕАЭС и СНГ закономерности и условия формирования цивилизованного рынка интеллектуальной собственности для целей инновационного развития учитываются не всегда. Большинство нормативных правовых актов во всех странах ЕАЭС и СНГ в области инновационного развития по-прежнему не увязаны с документами, регулирующими сферу формирования рынка интеллектуальной собственности, и принятые документы в полном объеме пока эффективно не работают. При этом в рамках происходящих одновременно процессов совершенствования законодательства по интеллектуальной собственности и инноваций во всех пяти странах Евразийского союза и разработки новых нормативных правовых актов прямого действия органами ЕАЭС усиливаются риски новых правовых коллизий вместо гармонизации законодательства в этой сфере.

В этой связи в итоговом документе IX Международного форума “Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности” от 7 апреля 2017 г. Евразийскому межправительственному совету рекомендовано создать специальную комиссию по аналогии с национальными комиссиями законодательных инициатив с участием основных субъектов законодательных инициатив в целях гармонизации планов законодательной работы и обеспечения их результативности по итогам исполнения в рамках каждого календарного года.

Отсюда можно выделить следующую проблему, без решения которой результативность реализации стратегий можно в очередной раз оценивать преимущественно по нормотворчеству.

Проблема № 3. *Как обеспечить преемственность целей и задач инновационного развития через рынок интеллектуальной собственности в рамках новой заявленной стратегии цифровой экономики в условиях постановки и реализации ложных целей построения “экономики знаний”?*

По результатам анализа вышеуказанных документов и практики их исполнения в странах СНГ и ЕАЭС можно выделить следующие **группы рисков интеллектуальной собственности**, требующие принятия первоочередных мер в области информационной безопасности со стороны как ЕЭК ЕАЭС, Исполкома СНГ, так и национальных уполномоченных органов.

Во-первых, одним из условий цифровой экономики является формирование трансграничного пространства доверия.

Представляется, что доверие, как и организация его трансграничного пространства, предпо-

¹⁸ См.: Распоряжение Коллегии ЕЭК № 8 от 24 января 2017 г.

лагает не только общность целей, но и общность технологий и единство принципов их использования.

Но если для государств — участников СНГ это пространство предполагается строить в сети Интернет¹⁹, то Стратегия развития трансграничного пространства доверия в ЕАЭС этого не предусматривает²⁰.

Наряду с Европейским Союзом и Российской Федерацией в СНГ и ЕС также были приняты решения о создании технологических платформ²¹. Результаты сравнительного анализа создаваемых в ЕАЭС 11 техплатформ с существующими ТП ЕС (36) и ТП РФ (31) позволяют сделать выводы, которые требуют рассмотрения и учета при формировании в 2017–2019 гг. приоритетных евразийских технологических платформ, предусмотренных перечнем направлений по формированию евразийских технологических платформ, утверждаемым Евразийским межправительственным советом. Так, если перечень направлений (14) по формированию евразийских технологических платформ совпадает с перечнем направлений ТП в России и ЕС (кроме строительства), то в рассматриваемой области отношений для решения проблем обеспечения баланса национальных и союзных интересов при создании и развитии интегрированных информационных систем, включая вопросы информационной безопасности, в ЕС функционирует ТП «Архитектура программного обеспечения и инфраструктурный сервис», тогда как в России и ЕАЭС такие ТП отсутствуют при высокой актуальности этой проблематики.

Поскольку большинство ТП ЕАЭС создано с участием представителей и управляющих компаний российских ТП (ТП «Медицина будущего» (Томск), ТП «Технологии экологического развития», «Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК — продукты здорового питания» (г. Воронеж), ТП «Текстильная и легкая промышленность» (г. Казань)), то участие в них организаций различной организационно-правовой формы и собственности, а также физических лиц и третьих лиц, не являющихся представителями стран ЕАЭС, требует первоочередного рассмотрения ЕЭК и национальными уполномоченными органами существующих при этом рисков интеллектуальной собственности, принятия

мер по их минимизации и создания системы управления такими рисками (по аналогии с рисками интеллектуальной собственности при международном научно-техническом сотрудничестве).

При реализации решений о создании в рамках реализации Основных направлений промышленного сотрудничества ЕАЭС в 2017–2019 гг. *Евразийского инжинирингового центра по станкостроению*²² и *евразийской сети трансфера технологий* при всей их актуальности игнорируются вопросы интеллектуальной собственности.

В целях обеспечения наиболее эффективной деятельности Инжинирингового центра по станкостроению необходимо предусмотреть в 2017–2018 гг. корректировку задач и механизмов их реализации в части управления рисками интеллектуальной собственности (учетная политика в отношении интеллектуальной собственности, включая авторов и правообладателей, правовые, экономические и организационные условия использования предшествующей интеллектуальной собственности) в рамках содействия внедрению современных и инновационных технологий мирового уровня в производственные процессы машиностроительных предприятий государств-членов, в том числе при:

обмене информацией между государствами-членами, разработке перспективных средств производства для машиностроения (включая НИОКР);

использовании единого электронного банка данных освоенных (планируемых к разработке) технологий;

расширении взаимодействия и обмене опытом с заинтересованными производителями и объектами инновационной инфраструктуры, в том числе с мировыми технологическими лидерами, включая транснациональные корпорации.

При разработке концепции создания и порядка функционирования *евразийской сети трансфера технологий*, в том числе национальных сегментов этой сети, необходимо также предусмотреть создание и реализацию механизмов, указанных для совместных НИОКР, а также снижающих уровень рисков в части управления интеллектуальной собственностью при трансфере технологий, включая:

проектную инвентаризацию результатов научно-технической деятельности (РНТД), их идентификацию и классификацию на объекты вещного права, объекты информационного права и объекты интеллектуальной собственности;

¹⁹ См.: Решение Экономического совета СНГ от 18 марта 2016 г.

²⁰ См.: Решение Коллегии ЕЭК от 27 сентября 2016 г. № 105.

²¹ См.: Положение о формировании и функционировании евразийских технологических платформ // Решение Евразийского межправительственного совета от 13 апреля 2016 г.

²² См.: Решение Евразийского межправительственного совета от 13 апреля 2016 г. № 1.

Рамочные программы ЕС²³

Рамочная программа ЕС	Период	Бюджет в млрд
Первая	1984–1988	€3.75
Вторая	1987–1991	€5.396
Третья	1990–1994	€6.6
Четвертая	1994–1998	€13.215
Пятая	1998–2002	€14.96
Шестая	2002–2006	€17.883
Седьмая	2007–2013	€54.582
“Горизонт – 2020”	2014–2020	€80

правовую экспертизу, правовую охрану и учет объектов интеллектуальной собственности, охраняемых по факту их создания (объекты авторского права, объекты смежных прав, топологии интегральных микросхем, сложные объекты интеллектуальной собственности), охраняемых в силу их государственной регистрации (объекты патентного права) и охраняемых в силу установления в отношении них специального правового режима конфиденциальности /коммерческой тайны (секреты производства (“ноу-хау”));

определение авторов созданных в НИОКР/выявленных при инвентаризации РИД и распределение исключительных и иных имущественных прав на данные РИД;

технологическую экспертизу на определение предметной области использования РИД;

экономическую экспертизу и оценку стоимости исключительных прав на РИД;

формирование по результатам проведенных инвентаризации и экспертиз учетной политики;

страхование и перестрахование рисков интеллектуальной собственности.

Актуальность проблемы обеспечения доверия иллюстрирует и российский опыт участия в совместных НИОКР с Европейским Союзом в части распределения прав на РИД, создаваемые в рамках научных исследований и разработок при финансировании Европейской комиссией, и управления правами на эти объекты интеллектуальной собственности.

Рамочные программы Европейского Союза по развитию научных исследований и технологий с 1984 г. являются основным инструментом финансирования научных исследований и технологических разработок в Европе. На долю Европейского Союза приходится 24% мирового объема финансирования на исследования, 32% публикаций с высоким импакт-фактором и 32% патентных заявок, в то время как проживают здесь всего 7% мирового населения.

Поскольку Россия в рамках этих программ ЕС относится к третьей группе неассоциированных стран – партнеров международного сотрудничества (ICPC – International Cooperation Partner Countries), то имеет ограниченные, по сравнению со странами – членами ЕС права в этой сфере.

При этом по объему выполняемых работ и полученных результатов Российская Федерация – лидер среди этой группы стран. Так, в Шестой рамочной программе (2002–2006 гг.) российские научные организации (в основном институты РАН) приняли

участие в 268 проектах с общим объемом финансирования в размере около 50 млн евро. В Седьмой рамочной программе по исследованиям и технологическому развитию (2007–2013 гг.) участвовали уже 452 российские организации в 281 проекте с общим объемом финансирования около 55 млн евро. При этом российское участие было наибольшим в тематических направлениях: биотехнологии, нанотехнологии, здравоохранении и транспорте, т.е. за 10 лет российские научные организации участвовали в 550 исследовательских проектах ЕС с объемом финансирования из бюджета Еврокомиссии в 105 млн евро. При этом какие получены результаты и использовалась ли при этом российская предшествующая интеллектуальная собственность, полученная в том числе при российском бюджетном финансировании, кто и как их использует и может использовать на территории России и других стран ЕАЭС, – на эти и другие конкретные вопросы сегодня ответ получить затруднительно.

В рамках новой программы “Горизонт – 2020”, по оценке заместителя министра образования и науки РФ Л.М. Огородовой, “принципиально меняется положение России. Вместо статуса партнера по международному научно-технологическому сотрудничеству Россия входит в категорию индустриально развитых стран, которые должны самостоятельно финансировать участие в проектах”²⁴.

²³ Таблица подготовлена на основе данных с официального сайта Европейской комиссии // URL: <http://ec.europa.eu/research/index.cfm>

²⁴ Огородова Л.М. Предисловие // Горизонт – 2020. Рамочная программа ЕС по исследованиям и инновациям. Практическое руководство для исследователей из России. 2014–2020. М., 2014. С. 3. Электронная версия брошюры доступна на веб-сайте Представительства Европейского Союза в Российской Федерации: www.EUinRussia.ru

В то же время, как следует из содержания самой программы, расходы на проекты по разделу “Передовая наука” (24.4 млрд евро), т.е. почти треть от всего финансирования новой программы, с 2014 г. направлены главным образом на гранты и стипендии ученым в личном качестве, включая их стажировки и работу в странах ЕС. Проекты по всем остальным разделам рамочной программы, включая “Индустриальное лидерство” и “Социальные вызовы”, как следует из условий Программы, не отвечают требованиям для получения финансирования ЕС. Иными словами, Еврокомиссия будет поддерживать проекты из России, связанные прежде всего с “экспортом мозгов”. При этом одно из основных правил распределения прав на интеллектуальную собственность, применяемых ко всем участникам программы “Горизонт-2020”, предусматривает, что типовое соглашение о гранте содержит также требования к партнерам по проекту обеспечить информационный доступ к преддоговорной и создаваемой интеллектуальной собственности с целью ее внедрения и использования²⁵.

Хотя принципы распределения прав на создаваемую интеллектуальную собственность в рамках сотрудничества в области науки и технологий между Российской Федерацией и ЕС определены в специальном соглашении²⁶, продленном сторонами до 20 февраля 2019 г., *представляется актуальным проведение обязательной инвентаризации в отношении таких результатов интеллектуальной деятельности (РИД), полученных за последние 15 лет в рамках международного научно-технического сотрудничества между ЕС и РФ. Инициатором такой инвентаризации, на наш взгляд, может стать Минобрнауки России и ФАНО России, а ее итоги могут стать предметом специального рассмотрения на Совете безопасности РФ и Совете при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию России.*

Этим определяется также актуальность рекомендации национальным академиям наук и национальным органам исполнительной власти в сфере науки и образования стран ЕАЭС и СНГ предусмотреть в 2017–2018 гг. корректировку программ и планов фундаментальных и прикладных исследований в этой сфере.

²⁵ См.: Правила участия в рамочной программе “Горизонт – 2020” // URL: http://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/h2020/legal_basis/rules_participation/h2020-rules-participation_en.pdf

²⁶ См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским сообществом о сотрудничестве в области науки и технологий (Заключено в г. Брюсселе 16 ноября 2000 г.; с изм. от 21 января 2014 г.; 12 февраля 2014 г.).

Совместные НИОКР сегодня являются одной из основных форм организации научно-технического сотрудничества на евразийском пространстве. В то же время в проекте технико-экономического обоснования, который сегодня является типовым и утвержден соответствующими решениями Евразийской экономической комиссии, в этой части отсутствуют механизмы по использованию предшествующей интеллектуальной собственности и по минимизации рисков, связанных с этим. *Каждый этап инновационного процесса должен заканчиваться проектной инвентаризацией и заключением соответствующих лицензионных договоров на использование предшествующей интеллектуальной собственности. Тогда в конечной продукции будет заинтересован каждый участник этого инновационного процесса ее создания, потому что при ее реализации он будет получать роялти, а автор – вознаграждение. И тогда создается мотивация совершенствовать эти технологии.*

В условиях, когда участниками этих процессов и построения инфраструктуры трансграничного пространства доверия являются одни и те же страны, необходима корректировка принятых решений и условий их реализации с учетом оптимизации расходов и обеспечения интересов информационной безопасности стран-участниц.

Во-вторых, при построении интегрированной информационной системы (ИИС ЕАЭС) с интегрированным компонентом решениями ЕЭК правительствам государств – членов Союза предписано обеспечить объединение национальных информационных ресурсов стран ЕАЭС по всем отраслям экономики, функционирование национальных сегментов государств – членов интегрированной системы и реализацию общих процессов в рамках ИИС ЕАЭС. При этом защита информации в отраслевых подсистемах должна обеспечиваться средствами подсистемы информационной безопасности интегрированной системы, где ЕЭК «осуществляет права и исполняет обязанности собственника» в отношении программного обеспечения интеграционного сегмента ИИС ЕАЭС.

Например, в Подсистеме агропромышленного комплекса государств – членов ЕАЭС в рамках ИИС ЕАЭС²⁷ должны осуществляться хранение, обработка и передача сведений: о сортах сельскохозяйственных растений; о прогнозных показателях агропромышленного комплекса государств-членов; о ценах сельскохозяйственной продукции и продукции пищевой промышленности,

²⁷ См.: Решение Коллегии ЕЭК от 31 января 2017 г. № 18.

производимой в государствах-членах; о национальных планах (программах) развития производства по чувствительным сельскохозяйственным товарам; о перспективных НИОКР по вопросам развития агропромышленного комплекса; о племенных животных, перемещаемых между государствами-членами, и селекционных достижениях в области племенного животноводства в государствах-членах; об объемах и направлениях государственной поддержки сельского хозяйства в государствах-членах. При создании подсистемы должна быть обеспечена защита информации от несанкционированного доступа, как минимум, в отношении первичных данных зоотехнического учета о племенных животных, а также планируемых и фактических объемах и направлениях государственной поддержки сельского хозяйства. Защита информации в подсистеме должна обеспечиваться средствами подсистемы информационной безопасности интегрированной системы ЕЭК.

В то же время в соответствии с Порядком передачи программного обеспечения интеграционного сегмента ЕЭК ИИС ЕАЭС и его использованием (утв. решением коллегии ЕЭК от 26.01.2016 г. № 10) *Комиссия не несет ответственности* за любой прямой или косвенный, специальный, случайный или иной ущерб, причиненный заказчику национального сегмента или третьим лицам, действующим по поручению заказчика национального сегмента, в связи с использованием программного обеспечения.

Учитывая чувствительный для интересов национальных экономик характер и объем баз данных и информационных ресурсов, управляемых с помощью этих ПЭВМ ИИС ЕАЭС, очевидна высокая степень рисков, ответственность за которые должна быть перераспределена в сторону ЕЭК. При этом в Порядке передачи программного обеспечения интеграционного сегмента ЕЭК ИИС ЕАЭС и его использования необходимо внести изменения, связанные с закреплением прав на ПЭВМ в этом сегменте ИИС за ЕАЭС в лице ЕЭК.

В-третьих, в рамках госзаказа на выполнение работ по созданию и модернизации ИИС как на межгосударственном, так и на национальном уровне по-прежнему слабо используются программы для ЭВМ, где права принадлежат ЕАЭС и странам Союза в лице госзаказчиков, в том числе содержащиеся в Фонде алгоритмов и программ ИИС внешней и взаимной торговли Таможенного союза²⁸.

Так, в Национальном фонде алгоритмов и программ для электронных вычислительных ма-

шин (создан Постановлением Правительства РФ от 30.01.2013 г. № 62, введен в эксплуатацию с 1.07.2013 г.) на 1 мая 2017 г. содержалось свыше 160 программ для ЭВМ, где правообладателем является Российская Федерация, однако они практически не используются²⁹. Например, согласно плану информатизации Роспатента на 2016–2018 гг.³⁰, получившему положительное заключение Министерства связи и массовых коммуникаций РФ, вообще *не предусматривается за три года* использование информационных систем и информационно-коммуникационных технологий, содержащихся в национальном фонде алгоритмов и программ.

Зачем создавать эти фонды, тратить большие бюджетные средства, предполагающие безвозмездное использование этих программных продуктов для других отраслевых национальных, корпоративных и региональных сегментов с построением соответствующих систем как основы для цифровой экономики, если никто их не использует? Одной из причин специалисты назвали то, что это программное обеспечение построено, как правило, на бесплатных исходных иностранных программных продуктах и в связи с этим имеет высокие риски в своем использовании.

Очевидно, что эта ситуация требует проведения анализа причин такой низкой эффективности использования на безвозмездной основе отечественных программных продуктов и выработки мер по их устранению, что предполагает рассмотрение этих вопросов на уровне Консультативного комитета по информатизации, ИТ и защите информации ЕЭК ЕАЭС, а также национальных операторов ИИС совместно с уполномоченными органами в сфере связи и безопасности.

В-четвертых, при использовании иностранного программного обеспечения для разработки отечественных программ для ЭВМ по результатам экспертизы части открытых лицензий на программы для ЭВМ, размещенных на сайтах правообладателей программных продуктов так называемого свободного распространения и использованных на безвозмездной основе исполнителем контрактов, установлено, что в них содержатся положения, создающие дополнительные риски при использовании указанного программного обеспечения

²⁹ См.: Национальный фонд алгоритмов и программ для электронных вычислительных машин // URL: <http://www.nfar.minsvyaz.ru/apf/>

³⁰ См.: Приказ Роспатента от 22 марта 2016 г. № 40 (в ред. от 11.10.2016 г.) «Об утверждении плана информатизации Федеральной службы по интеллектуальной собственности на 2016 финансовый год и плановый период 2017 и 2018 годов».

²⁸ См.: Решение Коллегии ЕЭК от 7 июня 2012 г. № 65.

в создании новых ПЭВМ для целей функционирования ИИС. Так, большинство из исполнителей государственных контрактов по созданию отечественного программного обеспечения при использовании иностранного программного продукта, скачивая с соответствующих сайтов иностранных правообладателей исходные ПЭВМ, не скачивали при этом открытые лицензии, не переводили с иностранного языка на русский и не читали, хотя скачивание программы для ЭВМ (исходного кода) означает автоматически ваше согласие с этой лицензией.

По результатам анализа таких лицензий выявлены существенные риски, которые несут отечественные правообладатели при таком подходе к использованию иностранного программного продукта, включая:

обязанность уведомить соответствующих иностранных правообладателей и Фонд свободного программного обеспечения (в Бостоне) об использовании этого программного продукта и указать в соответствующих производных программных продуктах фамилии авторов и правообладателей исходных программ, которые используются при этом;

обязанность по условиям открытой лицензии предоставить на условиях бесплатного использования разработанный производный программный продукт любому желающему приобрести и использовать программы для ЭВМ, т.е. если вы потратили немалые средства, в том числе бюджетные, на разработку нового программного продукта и при этом не сообщили в Бостон об использовании исходных кодов ПЭВМ, или отказали в бесплатном использовании третьим лицам производного программного продукта, то у вас отзывается лицензия, а то, что вы произвели, может быть признано контрафактом по условиям российского законодательства.

Сравнительно-правовой анализ возмездных лицензионных договоров (по выборке) позволяет также утверждать об их несоответствии требованиям международного права и национального законодательства в части формы и содержания таких лицензионных договоров:

объектом договора заявляются неисключительные права, хотя согласно российскому и международному праву есть личные неимущественные права, которые неотчуждаемы, и исключительные (имущественные) права, которые являются объектом оценки, оборота, продажи и предмета соответствующих договоров. Возникает вопрос: в ведущих корпорациях мира, которые продают свой программный продукт, в том числе в России и дру-

гих странах СНГ, не знают об этом? И почему мы подписываем такие договоры о неисключительных правах за миллиарды бюджетных рублей?

Субъектами таких договоров (от имени иностранных корпораций Майкрософт, Oracle и т.д.) заявляются так называемые официальные партнеры этих компаний, являющиеся дистрибьюторами по предоставлению соответствующих услуг и распространению программного продукта. При этом копии лицензионных договоров между корпорацией-правообладателем и ее официальным партнером, на основании которых должны заключаться сублицензионные договоры, отсутствуют, а статус партнера и статус лицензиата с правом заключать сублицензии не всегда совпадают.

В предмете договора, как правило, отсутствует способ использования программного продукта, тогда как, в отличие от вещного права, где разрешено все, что не запрещено законом, в праве интеллектуальной собственности отсутствие запрета не означает наличия согласия. Согласие должно быть выражено прямо обозначенным способом в письменной форме в виде договора, иначе вновь возникает риск признания данного продукта контрафактом.

Исходя из этого, а также учитывая, что в группах инновационных продуктов и услуг ИКТ (более 100) основным продуктом разработок «отрасли будущего» в странах ЕАЭС являются программы для ЭВМ, в рамках разработки в 2017 г. и последующей реализации концепции создания условий для цифровой трансформации промышленности государств-членов и формирования единого цифрового промышленного пространства Союза (Совет ЕЭК и национальные правительства стран ЕАЭС) необходимо предусмотреть следующие процедуры обеспечения национальной безопасности в этой области.

Условия типового договора на разработку (создание/модернизацию) ИИС должны включать обязанности исполнителей контрактов предоставлять заказчикам:

перечень программ для ЭВМ, в том числе содержащихся в Фонде алгоритмов и программ ИИС внешней и взаимной торговли Таможенного союза, Национальном фонде алгоритмов и программ для ЭВМ, с указанием следующих обязательных сведений: название программы для ЭВМ, правообладатель, год создания, в том числе актуальной версии, наименование и адрес правообладателя (лицензиара); территория, срок и способы использования, на которые предоставляется лицензия; реквизиты лицензии);

копии лицензионных договоров на программы для ЭВМ (со всеми приложениями), которые требуются заказчику для модернизации и эксплуатации модернизированных (разработанных) подсистем и компонент ИИС, в том числе на безвозмездной основе (договоры присоединения, включая договоры открытой лицензии).

В отношении всех лицензионных договоров о предоставлении права на использование ПЭВМ при создании и эксплуатации модернизированных (разработанных) в рамках подсистем и компонент ИИС, в том числе договоров присоединения на безвозмездной основе, в уполномоченных национальных органах с участием органов безопасности должна проводиться экспертиза (на этапе согласования и утверждения технического задания) на предмет их соответствия правам и интересам в сфере информационной безопасности, а также требованиям законодательства по вопросам интеллектуальной собственности.

Таким образом, в рамках заявленного перехода к цифровой экономике в Российской Федерации, ЕАЭС и СНГ на национальном и евразийском уровнях при обеспечении ее конкурентоспособности и лидерства на этих рынках выбор определяется двумя основными путями:

либо мы останемся прежними покупателями программного продукта и ИКТ у зарубежных правообладателей и будем отдавать им средства в виде лицензионных платежей (в том числе бюджетные), сохраняя импортозависимость через эти технологии по всем основным отраслям цифровой экономики (от цифрового производства до электронных денег);

либо обеспечим реализацию существующего национального научно-технического задела, созданного в России и иных странах ЕАЭС, прежде всего по результатам фундаментальных исследований в этой сфере, и сможем выйти на национальный евразийский, а затем и на международный рынок как продавцы принципиально новых цифровых технологий и оборудования шестого технологического уклада.

Выбор второго направления как приоритетного предполагает более жесткие подходы к противодействию промышленному шпионажу и интеллектуальному пиратству в отношении отечественных разработок (включая коррупционные механизмы), в том числе через вузы и научные центры, госзаказчиков и институты развития, техплатформы и кластеры.

При этом мы должны осознавать риски «подарков» в виде бесплатного использования программного продукта (часто используемого безответственно и не учитываемого как особый ресурс). Это особенно актуально, так как слабо соотносится с идеей рынка, в основе которого лежит принцип возмездности.

Указанные направления развития в принципе не исключают третьего комплексного варианта. Однако и в этом случае такой подход изначально требует определения критически важных областей и технологий для преимущественного/исключительного использования в них отечественных разработок с позиций информационной и экономической безопасности.